

УДК 1:821.161.1.09"19"

ББК 87.3(2)53

Ирина Анатольевна Едошина

Костромской государственной университет, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры истории, Россия, Кострома, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Два юбилея, или о типе русского мыслителя: Аполлон Григорьев и Павел Флоренский

Аннотация. Статья посвящена проблеме дифференциации понятий «мыслитель» и «философ». В качестве аналогии привлекается сопоставление таких понятий из области искусствоведения, как «специалист» и «знарок». Обращается внимание на этимологический аспект понятий, который способствует раскрытию их смысловых оттенков. В результате лингвистических наблюдений делается вывод о том, что понятие «мыслитель» является в высшей степени актуальным для определения сущности творческой деятельности А.А. Григорьева и П.А. Флоренского. При этом отмечается, что сами А.А. Григорьев и П.А. Флоренский были категорическими противниками терминологической ясности, усматривая в такого рода ясности семантическое упрощение понимания феноменов бытия. В качестве примера привлекаются тексты А.А. Григорьева и П.А. Флоренского. Внешним поводом для сопоставления являются их юбилейные даты – 200 и 140 лет со дня рождения соответственно. Помимо обозначенного внешнего повода, указывается на свойственный обоим мыслителям универсализм (владение разными видами искусств), а также на характерный для каждого интерес к творчеству У. Шекспира. Представления А.А. Григорьева и П.А. Флоренского о творчестве У. Шекспира даются в систематизированном виде в двух аспектах: общем (философско-эстетическом) и частном (понимание трагедии «Гамлет»). Отмечается интерес и критическое отношение А.А. Григорьева и П.А. Флоренского к переводам пьес У. Шекспира на русский язык. Подчеркивается нескрываемый субъективизм их размышлений о творчестве У. Шекспира, сочетающийся с утверждением органических основ художественного творчества, позволяющих искусству отражать коренные вопросы бытия. Сложный синтез аналитики и образности является основанием для определения А.А. Григорьева и П.А. Флоренского как мыслителей.

Ключевые слова: мыслитель, философ, творческая деятельность, терминологическая ясность, миропонимание, универсализм личности, органика творчества

Irina Anatolyevna Edoshina

Kostroma State University, Advanced PhD (Culturology), Professor, Professor of the Department of History, Russia, Kostroma, e-mail: tettixgreek@yandex.ru

Two Anniversaries, or type of Russian thinker: Apollon Grigoryev and Pavel Florensky

Abstract. The article is devoted to the problem of differentiation between the terms “thinker” and “philosopher”. A comparison of the art studies terms such as “specialist” and “expert” are taken as an analogy. Attention is paid to the etymological aspect in all these terms, which contributes to the disclosure of their semantic shades. As a result of linguistic observations, the author of the article comes to the conclusion that the concept of “thinker” is highly relevant for defining the essence of the artistic

endeavour by A.A. Grigoryev and P.A. Florensky. At the same time, it is noted that both A.A. Grigoryev and P.A. Florensky were absolutely against the terminological clarity, considering this kind of clarity to be a semantic simplification of understanding the phenomena of being. The texts of A.A. Grigoryev and P.A. Florensky are given as examples. An external reason for comparison is their anniversaries – 200 and 140 years from the date of birth, respectively. In addition to the above-mentioned external reason, it is pointed to the universalism which was typical for both thinkers (proficiency in different types of arts), as well as to their significant interest in W. Shakespeare's works. A.A. Grigoryev and P.A. Florensky perception of W. Shakespeare's works are presented systematically: general (philosophical and artistic) and particular (understanding of the tragedy "Hamlet"). The interest and critical attitude of A.A. Grigoryev and P.A. Florensky to the translations of the plays of U. is noted. Shakespeare into Russian. The undisguised subjectivism of their reflections on the work of W. Shakespeare is emphasized, combined with the assertion of the organic foundations of artistic creativity, which allow art to reflect the fundamental issues of being. The complex synthesis of analytics and imagery is the basis for the definition of A.A. Grigoryev and P.A. Florensky as thinkers.

Key words: thinker, philosopher, creative activity, terminological clarity, philosophy of life, personality universalism, creativity organic

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.3.174-190

В 2022 году исполняется 200 лет со дня рождения Аполлона Александровича Григорьева (1822–1864) и 140 лет со дня рождения свящ. Павла Александровича Флоренского (1882–1937). Между датой смерти Григорьева и датой рождения Флоренского пролегает 18 лет, что исключает их личное знакомство. Нет никаких упоминаний об Аполлоне Григорьеве в опубликованном наследии отца Павла. Иными словами, внешне нет никаких оснований для прямого сопоставления этих имен. Но речь и не идет о прямом сопоставлении, зато оснований для разговора о типологии и специфике русского мыслителя более чем достаточно.

Начнем с некоторых специфических разграничений в русской культуре. В ней есть понятия «искусствознание» и «знаточество». Первое предполагает получение специального образования, которое понимается как основа для исследовательской деятельности в будущем, в результате осуществления которой человек становится *специалистом* в области искусства – искусствоведом. Второе не предполагает наличия такого рода образования, в его основе лежит увлеченность человека каким-то видом искусства, причем увлеченность эта до такой степени захватывает человека, погружает в глубины изучения предмета, что делает его *знатоком*.

Например, в качестве яркого представителя *специалиста* в области искусствознания можно назвать Н.П. Кондакова (1844–1925), посвятившего свою научную деятельность изучению иконы, в которой он видел явление сугубо искусства, исключая какую бы то ни было духовную составляющую. Вот характерный отзыв его о работах кн. Е.Н. Трубецкого «Два мира в русской иконописи» (1916 г.) и «Умозрение в красках» (1916 г.): «Всё это глубокомыслен-

ный вздор и пустословие»¹. Или: «Конечно, распространение икон на Руси было тесно связано с изобилием лесов» [2, с. 19]. Приведенные высказывания Н.П. Кондакова не значат, что всякий специалист придерживается именно такого мнения, но получение специального образования так или иначе тяготеет (особенно в XIX веке) к материалистическому взгляду на мир.

Иное – *знаточество*. Здесь человек совершенно свободен в получении знаний, приобщаясь к тому, что находит отклик в его уме и сердце. Ярким представителем знаточества был Павел Павлович Муратов (1881–1950), инженер-путеец по своему образованию. Изучение иконы занимало значительное место в его творческой деятельности. Как результат, он становится признанным знатоком русской иконы, в которой видит внутренний дом древней русской души, указывая на молитвенный путь ее постижения². К знаточеству могут быть отнесены и работы свящ. Павла Флоренского в области изучения им русской иконы, в своих основаниях близкие к трудам Павла Муратова. Если на основе трудов *специалиста* Н.П. Кондакова сложилось советское понимание специалистами-искусствоведами «древнерусского искусства», то труды *знатоков* П. Флоренского и П.П. Муратова прокладывали дорогу к богословию иконных образов.

Аналогична, с нашей точки зрения, дифференциация в русской культуре таких понятий, как «философ» и «мыслитель». Различие между ними наглядно прослепует в их этимологии. Греческое по своему происхождению слово «философ» означает: 1) «любящий мудрость», «глубокомысленный»; 2) «образованный», «ученый»³. *Мыслитель* – сугубо славянское существительное, образованное от глагола «мыслить», что значит «чего-то страстно хотеть», «к чему-то стремиться»⁴. Как и в различии между «специалистом» и «знатоком», в основе разницы здесь лежит отношение к изучаемому предмету, в данном случае – мысли как таковой. *Философ* – это образованный человек, любящий мысль как ученый, т.е. любящий разумно, рационально. *Мыслитель* – это тот, кто охвачен к мысли страстью подчас до такой степени, что плоть соединяется с духом, становясь *плотью мысленной*⁵. Если *философ* мыслит терминами, т.е. словами-ограничителями, ясными и понятными в своем содержании, то *мыслитель* использует образную систему, в которой всякое слово мерцает смыслами.

¹ Цит. по: Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. М.: Изд-во Академии горных наук, 2000. С. 40 [1].

² См.: Муратов П.П. Открытия Древнего русского искусства // Муратов П.П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования / сост., предисл. А.М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. С. 43 [3].

³ См.: Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2. М.: ГИЗ Иностранских и национальных словарей, 1958. С. 1733 [4].

⁴ См.: Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Изд. 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1994. Т. 1. С. 551–552 [5].

⁵ См.: Дьяченко Д., свящ. Полный церковно-славянский словарь. Репринт. изд. 1900 г. М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. С. 321 [6].

Так, один из центральных трудов П. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (1914 г.) написан в жанре писем к другу. Сам по себе жанр «письма» имеет в философии давнюю традицию, но Флоренский уже в обращении к читателю буквально в первых строчках указывает на единственно возможный опыт постижения догматов: «Только вода по древним строкам влажною губкой, можно омыть их живую водою и разобрать буквы церковной письменности» [7, с. 3]. «Зажить православно» – это и значит «водить по древним строкам влажною губкой»⁶. Именно в этом заключается общий смысл всех писем к другу в «Столпе и утверждении Истины». Позднее, размышляя о разнице между наукой и философией, отец Павел подчеркивает: «Философия есть неуываемый цвет удивленности – сама организованная удивленность» [8, с. 125]. С одной стороны, Флоренский следует за известным утверждением Аристотеля, который стремился (*после* удивленности) облечь свои мысли в термины, активно их разрабатывая, с другой – словно в противовес, использует образное сравнение «неуываемый цвет», что вряд ли свойственно философии (особенно в европейском изводе) как специальной области гуманитарного знания. Сам Флоренский поясняет, что его отношению «к научному миропониманию в его общечеловеческом значении» присуща «некоторая пренебрежительность к понятиям, вызывающим обычно священный трепет, оценка их только как рабочих орудий мысли»⁷. Еще ранее Ап. Григорьев утверждал: «Всякий принцип, как бы глубок он ни был, если он не захватывает и не узаконивает всех ярких, могущественно действующих силою своею или красотою явлений жизни, односторонен, следовательно, ложен» [10, с. 468].

Как видим, и Ап. Григорьев, и Флоренский указывают на ограниченность принципов и терминов в охвате всех красок бытия, зато такому охвату вполне соответствует образная форма, в которую наши мыслители зачастую облачают свои мысли. Им это было несложно делать, поскольку они были людьми творческими: писали стихи и автобиографическую прозу, играли на музыкальных инструментах, любили музыку, Григорьев еще и сочинял музыку сам, знали иностранные языки, легко переводили и могли оценить чужие переводы. При этом Флоренский везде проходит как философ, а Григорьев как критик.

Но критиком Ап. Григорьев был особым. Как остроумно заметил С.Н. Дурылин, из Ап. Григорьева «одного можно было бы выкроить троих Белинских, десяток Добролюбовых, дюжину Писаревых»⁸. Современник Ап. Григорьева поэт А.А. Фет прямо называл его в письмах мыслителем. Философски мыслящий

---

⁶ См.: Флоренский П.А., свящ. Столп и утверждение Истины: в 2 т. Репринт. изд. 1914 г. Т. 1 / вступ. статья С.С. Хоружего; историограф. очерк игум. Андроника (Трубачева). М.: Правда, 1990. С. 3 [7].

⁷ См.: Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней // Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Моск. рабочий, 1992. С. 195 [9].

⁸ См.: Дурылин С.Н. В своем углу / сост. и примеч. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 822 [11]. Заметим все-таки, что Ап. Григорьев к В.Г. Белинскому относился с симпатией, часто его цитировал, особенно ранние статьи.

Н.Н. Страхов видел в Григорьеве своего учителя. Публикатор и комментатор Ап. Григорьева А.И. Журавлева писала: «Григорьев – действительно самобытный мыслитель, хотя и не в том значении, которое иной раз придают этому слову, – не “самоучка”... Он был одним из самых широко образованных русских критиков, человеком, который чувствовал себя полноправным наследником и продолжателем европейской культурной традиции» [12, с. 11]. А.И. Журавлевой важно было подчеркнуть тесную связь Ап. Григорьева (через усвоение им философии Шеллинга и Гегеля, особенно Гегеля) с культурой европейской, убрав его таким образом из привычной колеи славянофилов или охранителей, хотя сам Ап. Григорьев категорически отрицал свою принадлежность любому идеологическому движению своего времени. А современный исследователь жизни и творчества Н.Н. Страхова В.А. Фатеев пишет: «И Григорьев, и Страхов – прежде всего критики-мыслители. Их обоих выделяет среди современников существенное привнесение в литературную критику серьезных философских идей» [13, с. 311]. В этой цитате в определении «критики-мыслители» слово «мыслители» выделено курсивом. Думается, неслучайно, поскольку определять Ап. Григорьева в таком качестве пока еще не общепринято.

Определение Флоренского как философа или мыслителя во многом зависит от взглядов того, кто пишет о Флоренском. В представлении православно ориентированных игум. Андроника (Трубачева) и С.М. Половинкина Флоренский – «русский религиозный мыслитель, ученый»⁹. С.М. Половинкин связывал своеобразие мысли отца Павла с «христианским персонализмом», подчеркивая в разъяснениях личностное начало, присущее его размышлениям¹⁰. Том «Павел Александрович Флоренский» из идеологически нейтрального «серийного» («Философия России первой половины XX века») издания снабжен общей характеристикой, где Флоренский определен как философ Серебряного века и священник¹¹. В энциклопедическом справочнике в статье «Флоренский» написано: «русский ученый, религиозный философ, богослов»¹². В сетевом проекте «Хронос» в разделе «Флоренский» читаем: «религиозный философ, ученый-энциклопедист» [18]. Таким образом, Флоренский традиционно и привычно определяется как философ, хотя, учитывая уже приведенные свидетельства его отношения к научному способу изложения мысли, видеть в нем мыслителя представляется более корректным.

Попробуем увидеть в П.А. Флоренском и Ап. Григорьеве мыслителей, обратившись к их оценкам творчества У. Шекспира и анализу его пьесы «Гам-

⁹ См.: Андроник (Трубачев), игум., Половинкин С.М. Флоренский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. С. 256 [14].

¹⁰ См.: Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015 [15].

¹¹ См.: Павел Александрович Флоренский / под ред. А.Н. Паршина, О.М. Седых. М.: РОСПЭН, 2013. С. 4 [16].

¹² См.: Флоренский // Большой энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 562 [17].

лет». Этот выбор обусловлен в первую очередь тем, что Ап. Григорьев известен как именно литературный, а еще точнее, театральный критик. Творчество Флоренского как исследователя литературы, а тем более литературы драматической, изучено, мягко говоря, недостаточно. Наша попытка представить системно литературные взгляды и пристрастия Флоренского в известном справочном издании «Русские писатели. Биобиблиографический словарь» (т. 6) была пресечена самым жесточайшим образом, и в опубликованном тексте авторская мысль проглядывает сквозь редакторскую правку, как взгляд заключенного через решетку.

В статьях Ап. Григорьева Шекспир упоминается довольно часто, по разным поводам, чаще всего в связи со сценическими образами, могущими захватывать «под свою власть душу как настоящая правда жизни»¹³, и переводами, собственными в том числе. Из его воспоминаний мы узнаем, что *величайший представитель нации* Шекспир (на языке оригинала, без купюр и без «приглаживаний») был всегда с ним. В частности, Ап. Григорьев вспоминает эпизод, как во времена его губернаторства наставник английского языка подарил 16-летнему юноше *Family-Shakespeare (семейного Шекспира, т.е. отредактированного)*. Григорьев замечает: «Шекспира англичанин хотя знал очень плохо и, кажется, внутри души считал его только непристойным и безнравственным писателем, но увидел с сокрушенным сердцем тяжкую необходимость решиться на такой подарок»: воспитанник «состоял в ближайшем знакомстве с прекрасной половиной одного престарелого и прескупого грека». И далее не без иронии Ап. Григорьев пишет: «Первым делом, разумеется, наш отрок стянул у меня моего нефамильного Шекспира, добросовестнейшим образом вписал в свой экземпляр пропущенные или исправленные места, добросовестнейшим образом их выучил и бессовестно мучил ими каждое утро своего добродетельного надзирателя» [20, с. 67]¹⁴.

Если суммировать высказывания Ап. Григорьева в адрес Шекспира, то складывается следующая картина: «зерно всех чувствований» своих героев (неважно положительных или отрицательных) располагается «в душе их творца», который есть «христианский поэт, но более по великому своему разуму», обладающий целостным воззрением на жизнь, что обеспечено связью «с корнями почвы», на которой он вырос¹⁵, и потому «ни в симпатиях, ни в антипатиях не расходился с народом»¹⁶.

По воспоминаниям Флоренского, Шекспир в доме родителей занимал почетное место среди *настоельных* писателей наряду с Пушкиным, Диккенсом

---

¹³ См.: Флоренский [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/florenski_pa.php (Дата обращения 20.01.2022). С. 292 [19].

¹⁴ Здесь Григорьев обращает внимание на то, что подлинный Шекспир писал на языке своего времени, не стесняясь ни грубых выражений, ни довольно откровенных сцен.

¹⁵ См.: Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев Аполлон. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 52, 69, 81, 100 [21].

¹⁶ См.: Григорьев Ап. Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы // Григорьев Ап. Эстетика и критика / вступ. статья, сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 224 [22].

и Гёте, а для отца Шекспир и вовсе оказался «библией». Потому английский драматург, замечает Флоренский, «в оценке папы, был исключительным воспитателем ... чувства человечности»¹⁷.

Сам Флоренский также довольно часто упоминает Шекспира по разным поводам. Сумма этих упоминаний выглядит следующим образом: Шекспир относится к тем авторам, в творчестве которых дается «глубокое проникновение в ... тайну» парности и существенной неразделимости «переживаний половой любви и смерти»¹⁸. В переписке с В.В. Розановым отец Павел раскроет эту мысль, ссылаясь на свой опыт в браке и приводя в качестве примера героев Шекспира из пьес «Ромео и Джульетта» и «Отелло»¹⁹. Произведения Шекспира отмечены противоречиями, служащими усилению эстетического воздействия и заострению впечатления, замечает П. Флоренский, их отличает «полнота человеческих чувств, характеров, ситуаций», в его пьесах «много благородства, но нет святости, как новой по качеству силе, активно переустраивающей», что приводит к затерянности человека в мире: «человек не творец, человек, смотрящий на мир сквозь замочную скважину, человек, которому нет места в им же придуманном мировоззрении»²⁰. «Шекспировские вещи лишены самодовлеющей формы», – пишет П. Флоренский, – «строение определяется взаимодействием отдельных частей, но не определяет их» [25, с. 387].

Удивительным образом Ап. Григорьев и Флоренский совпадают в понимании существа христианских воззрений Шекспира: не отрицая таковых, оба указывают на их ограниченность. Ап. Григорьев видит эту ограниченность в победе разума, а Флоренский – в преувеличенном благородстве.

Относя драмы Шекспира к *великим произведениям поэзии* (наряду с поэмами Гомера, «Божественной Комедией» Данте, «Фаустом» Гёте), Флоренский отмечает, что такие произведения требуют от читателя «чрезвычайных усилий и огромного сотворчества, чтобы пространство каждого из них было действительно представлено в воображении вполне наглядно и целостно»²¹. И далее следует резкая критика в адрес театра, лишаящего зрителя этой самой актив-

¹⁷ См.: Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. С. 117, 123.

¹⁸ См.: Флоренский П.А., свящ. Первые шаги философии // Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1995. С. 127 [23].

¹⁹ См.: Письмо П.А. Флоренского к В.В. Розанову от 25 сентября 1910 г. // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Книга вторая / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 44–45 [24].

²⁰ См.: Флоренский П.А., свящ. Письма с Дальнего Востока и Соловков // Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1998. С. 189, 379 [25].

²¹ См.: Флоренский П.А., свящ. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории философии, искусства и археологии / под общ. ред. игум Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 2000. С. 116 [26].

ности, а потому театр, по мнению П. Флоренского, есть «искусство низшее»²². Конечно, здесь Флоренский и Ап. Григорьев как человек, любящий и понимающий театральное искусство, расходятся категорически. Флоренский словно забывает, что Шекспир писал пьесы именно для театра, сам в них играл.

Стоит отметить, что Ап. Григорьева²³ и Флоренского объединяет внимание к качеству переводов пьес Шекспира. Ап. Григорьев отмечает, что пьесы Шекспира то сильно сокращаются переводчиками, вплоть до целого акта («Кориолан» в переводе В.А. Каратыгина), то выполняются по французскому переводу («Отелло» в переводе И.И. Панаева, не знавшего английского языка). Исключение составляет перевод «Ромео и Юлии», выполненный М.Н. Катковым: «добросовестный подвиг молодого литератора ..., совершенный с поэтическим тактом и уважением к делу», но который, увы, «пал на обеих сценах»²⁴.

Флоренский подвергает резкой критике перевод «Гамлета» А.С. Сумароковым, называя этот перевод *издевательством* над Шекспиром. Особенно поражает Флоренского финал трагедии, где все завершается «успешной мстью Гамлета и браком его на “дочери Полониевой”»²⁵. В представлении Ап. Григорьева, поэтический перевод «Гамлета» Н. Полевым оказался «единственно возможным для русской нашей сцены» и потому «разошелся чуть что не на словицы»²⁶, в отличие от игры Шекспира «по комментариям»²⁷ и Гамлета по «гётевскому представлению»²⁸, доведенному до московской ясности»²⁹. Позднее

---

²² См.: Флоренский П.А., свящ. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях. С. 117.

²³ См. о специфике переводов Шекспира Ап. Григорьевым: А.В. Ачкасов. Русская переводческая культура 1840–1860-х годов: на материале переводов драматургии У. Шекспира и лирики Г. Гейне: дис. ... д-ра филол. наук. В. Новгород, 2004 [27].

²⁴ См.: Григорьев А.А. Заметки о Московском театре // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 70 [28].

²⁵ См.: Флоренский П.А., свящ. Гамлет // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1994. С. 257 [29].

²⁶ См.: Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев Аполлон. Воспоминания. С. 56.

²⁷ См.: Gervinus G.G. Shakespeare: Bd. 1–2. Leipzig: Engelmann, 1849–1852 [30]. Эта работа немецкого ученого, как и его переводы Шекспира на немецкий язык, была хорошо известна в русском образованном обществе, использовалась при постановках его пьес на сцене. См. об этом подробнее: Луков Вл.А. Шекспироведение в свете исследования констант европейских культурных тезауросов [Электронный ресурс] // Шекспировские штудии III: Линии исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Захаров, Вл.А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/collections/Shakespeare_studies_III/#_ftn11 (Дата обращения 22.01.2022) [31].

²⁸ Гёте является автором многочисленных высказываний в адрес Шекспира. Это и в «театральном» (по изначальной задумке) романе «Годы учения Вильгельма Мейстера» (*Wilhelm Meisters Lehrjahre*, 1795–1796 гг.), а также в статьях «Ко дню Шекспира» (*Zum Schakespears Tag*, 1854 г.), «Шекспир, и несть ему конца!» (*Schakespeare und kein Ende*, 1815 г., 1826 г.), где дается высокая оценка его пьесам. Гамлет толкуется Гёте как личность благородная, гибнущая под бременем бытия, которого он не смог ни снести, ни сбросить, ибо великие деяния ему были не по силам.

²⁹ См.: Григорьев А.А. Великий трагик // Григорьев Аполлон. Воспоминания. С. 277.

он более критично отнесется к переводу Полевого, считая, что тот «переделал Гамлета ... под *русские нравы*, лишил язык лиц колорита и энергии»³⁰.

Таким образом, указав на базовые основания понимания творчества Шекспира в трудах Ап. Григорьева и П.А. Флоренского, обратимся к их работам о «Гамлете» Шекспира и попробуем выявить специфику их размышлений, позволяющую видеть в них именно мыслителей. Благо, и тот и другой писали об этой трагедии английского классика. И оба – для журналов. Ап. Григорьев как театральный критик – в «Отечественных записках», Флоренский – специально для журнала «Весы» (правда, статья эта по неизвестным причинам не была напечатана).

Для своей статьи «Гамлет» (1905 г.) Флоренский выбирает эпиграф в переводе Н. Полевого: «Время вышло из колеи своей. Горе мне, рожденному на то, чтобы снова заставить его идти прежней дорогой» [29, с. 250]. Из этого следует, что перевод Полевого ему был знаком, в чем-то, но не целиком, поэтому в статье он цитирует еще и два других перевода – прозаический Н. Кетчера и поэтический А. Кронеберга. Флоренский и позднее будет обращаться к этим процитированным словам из «Гамлета» в переводе Полевого. Например, в дневниковых записях 1923 г. о *разрыве биографии*: «В том, что случилось со мною, был пережит разрыв мировой истории. Мне вдруг стало ясно, что “время вышло из пазов своих” и что, следовательно, кончилось нечто весьма важное не только для меня, но и для истории» [9, с. 196–197].

В целом же, критическое отношение к переводам Шекспира на русский язык объединяет Григорьева и Флоренского, читавших его пьесы на языке оригинала. Причем, на наш, Григорьев много больше разбирался в языке шекспировых пьес, его специфике, поскольку и сам переводил их на русский язык. Поэтому со знанием дела пишет о непристойных песнях, которые вкладывает Шекспир в уста Офелии.

Попробуем раскрыть ход мыслей Григорьева в его суждениях о Гамлете. Внешним поводом становятся спектакли, идущие на столичных сценах, но всякий раз, прежде чем обратиться к постановке, Григорьев размышляет о трагедии Шекспира, обнаруживая все новые и новые смыслы. Вот одно из первых его (1846 г.) обращений к образу Гамлета, свое восприятие исполнения которого он переносит со сцены столичной на сцену провинциальную. Но этот перенос не скрыл имени исполнителя главной роли, чью игру Григорьев подверг резкой критике, – актера В.А. Каратыгина.

Свои размышления он начинает с горестного, сугубо личного (персоналистского!) восклицания: «Гамлет, Гамлет! Опять он появится передо мною, бледный, больной мечтатель, утомленный жизнью прежде еще, чем

---

³⁰ См.: Григорьев А.А. Летопись Московского театра. Г-н Полтавцев в роли Гамлета, Гюга Бидермана и Чацкого // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 109 [32].

успел узнать он жизнь...» [33, с. 32]. Григорьев видит в Гамлете человека не из прошлого, а человека вообще, дух человеческий, мятущийся, страдающий и понимающий, что «страшное сознание правды уже озарило его», что «требования его болезненного я явились ему страшным долгом», рождая «ропот на жизнь и Создателя жизни»³¹. В рассуждениях Григорьева, внешне передающих общую фабулу трагедии Шекспира, постепенно прорисовываются проблемы и собственной судьбы автора этих размышлений, и «веяния» времени, исполненные скепсисом по отношению к традиционным ценностям русской жизни. Ап. Григорьев стремится представить жизнь человеческого духа в развитии, в схватке добра и зла, в итоге с победой воли рока.

В «Заметках о Московском театре» (1850 г.) Григорьев в основном размышляет о «Гамлете» Шекспира. Мысль его развивается постепенно и вне сценического образа, поскольку «романтический Гамлет умер с Мочаловым, а Гамлет Шекспира еще ни разу не явился во всей полноте и простоте»³². Отсюда задача – объяснить, что же такое «Гамлет Шекспира». Он начинает с поиска причины бездействия Гамлета, обнаруживая ее в грандиозности самой задачи, поставленной перед принцем и рождающей в ответ «воплъ» ужаса. Казалось бы, здесь можно было бы поставить точку в постижении существа Гамлета. Но мысль Григорьева не останавливается: анализируя поступки Гамлета, он обнаруживает, что природная натура принца чиста и по-своему наивна, потому он всюду ищет правды. В свою очередь, самый процесс искания правды делает его глубоким мыслителем, тонким судьей изящного. Но именно эта особенность придает Гамлету черты человека, воплощающего «переходный момент цивилизации», и «в нем является трагический образ человека»³³. Мысль Григорьева развивается прихотливо, с перебоями, возвращениями, а подчас и повторами, что вообще составляет одну из особенностей его размышлений.

Через год Григорьев вновь обращается к образу Гамлета, в котором на этот раз обнаруживает его близость «душе самого творца», потому казнь «над безвольным героем слишком дорого стоила ему самому», рождая тайную тревожную симпатию «к болезненному, полному беспощадного эгоизма мечтателю»³⁴. Правда, замечает Григорьев, такого рода близость касается не только Гамлета: страсти всех своих персонажей Шекспир переживает в своем сердце, независимо от их положительных или отрицательных свойств. Но не эта особенность определяет сложность в понимании образа главного героя. Далее Григорьев в несколько иной формулировке, но повторяет высказанную ранее

---

³¹ См.: Григорьев А.А. «Гамлет» на одном провинциальном театре (из путевых записок дилетанта) // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 32 [33].

³² См.: Григорьев А.А. Заметки о Московском театре // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 54 [34].

³³ Там же. С. 63.

³⁴ См.: Григорьев А.А. Летопись Московского театра. Г-н Полтавцев в роли Гамлета, Гюга Бидермана и Чацкого // Григорьев А.А. Театральная критика. С. 108.

мысль о том, что Гамлет – всего лишь предчувствие неясного будущего. В этих размышлениях Григорьева много автобиографичного. Подобно Гамлету, он своею «теперешнею жизнью» догонял, по его собственному признанию, «жизнь духа, которая ушла уже далеко, далеко»³⁵.

Таким образом, Ап. Григорьев в размышлениях о Гамлете затрагивает такой сущностной вопрос бытия, как судьба человека на изломе эпох, ее отражение в литературе и собственной жизни.

Статья «Гамлет» начинается Флоренским с самых общих рассуждений о существе мысли, облеченной в слово, для чего он привлекает термины «диалектика» и «эстетика», что, казалось бы, прямо противоречит тому, что мыслитель избегает именно терминологии. Но и диалектика, и эстетика, по Флоренскому, должны вырасти из первопочвы как *опыт* постижения деформации. В данном случае – это опыт деформации бытия, нашедший отражение в трагедии, сфокусированной в судьбе Гамлета. По этой причине «трагическая катастрофа предваряет действие»³⁶, ее внутренней необходимостью определяется. Отсюда и вся история принца Гамлета сводится к борьбе не с внешним миром, а с самим собой, потому что «Гамлет» – один гигантский монолог»³⁷.

Трагизм личности Гамлета заключается в борьбе двух правд, из которых каждая права, о чем писал еще И.С. Тургенев, определяя сущность трагического. По Флоренскому, Шекспир «сдергивает покровы с глубинных процессов в развитии духа» и представляет опыт постижения деформации, отраженный в личности Гамлета: «Он ведет нас к черным расселинам и бездонным провалам сознания, житейскими словами; он берedit едва сросшиеся раны хаоса; кажущейся реалистичностью он прикрывается от нашей пугливости, а потом, успокоив ее, заставляет нас заглянуть в такие тайны, которые страшно узнавать живому человеку. Подымается волос дыбом, безумно тоскующим криком несется из бездонностей сознания указание на тайны неизглаголаные, тайны тех областей, откуда нет возврата, и гулким эхом тысячекратным ширятся вскрики» [29, с. 269]. Чтобы сделать свою мысль рельефней, Флоренский прибегает к образу пути, что ведет к «черным расселинам», обрисовывая его как иную действительность. Гамлет оказывается путеводителем в мир «неизглаголаных тайн», где царит хаос. Через образы («бездонные провалы сознания», «безумно тоскующий крик», «тайны неизглаголаные», «ширящееся гулкое эхо») Флоренский стремится воздействовать на читателя, погрузить его сознание в те бездны, преодолеть которые стремится Гамлет.

Трагизм Гамлета, по мысли Флоренского, заключается в несоответствии его личности переменам «вышедшего из пазов» исторического процесса. Но Шекспир представил борьбу личности со временем «в хрустальной ясно-

³⁵ См.: Григорьев А.А. Листки из рукописи скитающегося софиста // Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 83 [35].

³⁶ См.: Флоренский П.А., свящ. Гамлет // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1. С. 257.

³⁷ Там же. С. 267.

сти», сделав осязательными «неуловимые тайны природы и неизглаголенные глубины сознания»³⁸. По Флоренскому, вся проблема Гамлета, а следом и самого Шекспира заключается в недостатке веры. И тут вполне закономерно мысль Флоренского обращается к своим современникам, рождая вопрос: а разве сегодняшние люди, подобно Гамлету, не носят в себе «Ветхого Адама»? «Не чувствуем ли, слушая его (Гамлета. – И.Е.), что нет времени между ним и нами, что это подлинный брат наш, говорящий с нами лицом к лицу», а потому «неужели мы откажем всем Гамлетам, жившим и живущим, в том единственном даре, который в нашей власти – в молитве?»³⁹. Кажется, ради этого вопроса и была написана вся статья Флоренского. А вопросы веры, как мы знаем, волновали тогда, в начале XX века, всё русское образованное общество. Кстати, и самого Флоренского тоже.

Как видим, и Григорьев, и Флоренский рассматривают пьесы Шекспира не столько как сугубо художественные произведения. Они обнаруживают в них вопросы, связанные с пониманием человека и мира, ищут и дают свои личностные ответы на эти вопросы. И Григорьев, и Флоренский используют для изложения своих мыслей, особенно в их сущностном содержании, не термины, а создаваемые ими на основе прочитанного образы. Они словно намагничиваются от Шекспира, стремясь облечь свои мысли и чувства в адекватную прочитанному форму.

Оба, и Григорьев, и Флоренский, не скрывают своего отношения к Шекспиру, хотя не исключают при этом других трактовок в понимании его личности и творчества, а подчас и обращаются к ним. В этом аспекте одним из значимых для обоих был Гёте. И неслучайно, поскольку и Григорьев, и Флоренский были противниками литературы сочиненной, придуманной, стремящейся втиснуть жизнь в свои идеологемы. А у Гёте Вильгельм Мейстер утверждает, что Шекспир побуждает его «внедриться в мир действительный, смешаться с потоком судеб ... зачерпнуть в необъятном море живой природы несколько кубков и с подмостков театра излить их на алчущих зрителей ... отчизны» (пер. Н. Касаткиной)⁴⁰. Обратим внимание: не изменить жизнь, не внедрить в нее некие идеологические постулаты, а поделиться своим пониманием бытия. И театр здесь является самой доступной и самой органичной формой, а Шекспир *великим поэтом души человеческой* (Ап. Григорьев).

Флоренский ставит театру в вину тот факт, что, в отличие от чтения «Гамлета», где пространство подается с позиций времени пьесы, в театре у зрителя нет такой опоры и он находится в отрыве от изображаемого времени,

---

³⁸ См.: Флоренский П.А., свящ. Гамлет // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1. С. 278.

³⁹ Там же. С. 280.

⁴⁰ См.: Гёте И.-В. Годы учения Вильгельма Майстера // Гёте И.-В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7 / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М.: Худож. лит., 1978. С. 155 [36].

потому «призрак остается лишь переодетым человеком»⁴¹. Думаю, в подобном восприятии театра сказывается время написания цитируемой работы – 1924–1925 гг. Это время его раздумий над сущностью культуры в новых условиях, когда в схватку вступили Логос (Христос) и Хаос (Антихрист). В этих условиях театр традиционно для христианской культуры оказывался на стороне Хаоса.

Ап. Григорьев видел в шекспировском театре *настоящую правду жизни*, которая захватывает зрителя целиком, всего, без остатка, потому он готов сто раз пойти и посмотреть беспощадные и мучительные драмы Шекспира на сцене, сопереживая его героям⁴². В этом утверждении сказалось существо «органической критики» Ап. Григорьева: «... искусство ... и критика искусства подчиняются одному критериуму. Одно есть отражение идеального, другая – разъяснение отражения. ... критика ... должна быть ... столь же органическою, как само искусство, осмысливая анализом ... органические начала жизни» [37, с. 156]. Именно жизнь во всем многообразии форм является питательным источником для искусства. Словно в унисон этим мыслям Ап. Григорьева, свящ. Павел Флоренский много позднее напишет: «“Фауст”, измышленный в своем плане сразу и написанный по этому плану, был бы невыносим, как невыносимы американские сооружения или аналогично построенные произведения Валерия Брюсова, сделанные волею, а не сложившиеся жизненно» [26, с. 259].

Конечно, прошло время, и мир давно привычно не замечает уродливости американских небоскребов, Эйфелевой башни (а тут и Москва-сити подоспела), Валерий Брюсов давно уже является одним из классиков Серебряного века, но привычка не отменяет трагической по своим последствиям подмены органики нарочитой сделанностью, причем не только в искусстве. Именно трагичность такого рода подмены волновала умы Флоренского и Григорьева. Шекспир, чьи пьесы переводились на русский язык и активно ставились на русской сцене, оказался созвучным их размышлениям. В Гамлете они увидели человека, попавшего в ситуацию разлома времени на *до* и *после*, когда человек оказался «застигнут ночью Рима» (Ф.И. Тютчев). Что может стать опорой, где искать ее? Ответы на эти вопросы Григорьев и Флоренский находят в литературе, выводя ее таким образом за пределы сугубой художественности. Но в своих размышлениях оба широко используют именно художественные приемы, эмоционально окрашивая свои мысли. Думается, именно этим синтезом мысли и образа в немалой степени обеспечивается правомерность именования Ап. Григорьева и Павла Флоренского мыслителями. Как писал Ап. Григорьев, «оживите перед вами лица Шекспировых драм, обойдитесь с ними как с живыми личностями, призовите их вторично на суд, и вы убедитесь, что Немезида, покаравшая или помиловавшая их, полна любви и разума» [37, с. 187].

⁴¹ См.: Флоренский П.А., свящ. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях. С. 118.

⁴² См.: Григорьев А.А. Великий трагик // Григорьев Аполлон. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 291.

Список литературы

1. Кызласова И.Л. История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы. По материалам архивов. М.: Изд-во Академии горных наук, 2000. 440 с.
2. Кондаков Н.П. Русская икона. М.: ЭКСМО, 2019. 240 с.
3. Муратов П.П. Открытия Древнего русского искусства // Муратов П.П. Древнерусская живопись. История открытия и исследования / сост., предисл. А.М. Хитрова. М.: Айрис-пресс, Лагуна-Арт, 2005. С. 27–45.
4. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. Т. 2. М.: ГИЗ Иностраннных и национальных словарей, 1958. 1905 с.
5. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. Изд. 2-е, стереотип. М.: Русский язык, 1994. 623 с.
6. Дьяченко Д., свящ. Полный церковно-славянский словарь. Репринт. изд. 1900 г. М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. 1120 с.
7. Флоренский П.А., свящ. Столп и утверждение Истины: в 2 т. Т. 1. Репринт. изд. 1914 г. / вступ. ст. С.С. Хоружего; историограф. очерк игум. Андроника (Трубачева). М.: Правда, 1990. 490 с.
8. Флоренский П.А., свящ. У водоразделов мысли (черты конкретной метафизики) // Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3(1) / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1999. 621 с.
9. Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней // Флоренский П.А., свящ. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Московский рабочий, 1992. С. 24–266.
10. Григорьев А.А. Н. Некрасов // Григорьев А.А. Литературная критика / сост., автор вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егоров. М.: Худож. лит., 1967. С. 442–493.
11. Дурьлин С.Н. В своем углу / сост. и примеч. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
12. Журавлева А.И. «Органическая критика» Аполлона Григорьева // Григорьев Аполлон. Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 7–47.
13. Фатеев В.А. Н.Н. Страхов: Личность. Творчество. Эпоха: монография. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 652 с.
14. Андроник (Трубачев), игум., Половинкин С.М. Флоренский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4 / рук. проекта В.С. Степин, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. С. 256–257.
15. Половинкин С.М. Христианский персонализм священника Павла Флоренского. М.: РГГУ, 2015. 362 с.
16. Павел Александрович Флоренский / под ред. А.Н. Паршина, О.М. Седых. М.: РОСПЭН, 2013. 583 с.
17. Флоренский // Большой энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. М. Прохоров. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 768 с.
18. Флоренский [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/florenski_pa.php (Дата обращения 20.01.2022).
19. Григорьев А.А. Великий трагик // Григорьев Аполлон. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 262–299.
20. Григорьев А.А. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев Аполлон. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 5–82.
21. Григорьев Ап. О правде и искренности в искусстве // Григорьев Ап. Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 51–116.
22. Григорьев Ап. Западничество в русской литературе, причины происхождения его и силы // Григорьев Ап. Эстетика и критика / вступ. ст., сост. и примеч. А.И. Журавлевой. М.: Искусство, 1980. С. 200–234.
23. Флоренский П.А., свящ. Первые шаги философии // Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1995. С. 91–130.

24. Письмо П.А. Флоренского к В.В. Розанову от 25 сентября 1910 г. // Розанов В.В. Собрание сочинений. Литературные изгнанники. Кн. 2 / под общ. ред. А.Н. Николокина. М.: Республка; СПб.: Росток, 2010. С. 444-6.

25. Флоренский П.А., свящ. Письма с Дальнего Востока и Соловков // Флоренский П.А., свящ. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4 / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1998. 795 с.

26. Флоренский П.А., свящ. Анализ пространственности <и времени> в художественно-изобразительных произведениях // Флоренский П.А., свящ. Статьи и исследования по истории философии, искусства и археологии / под общ. ред. игум Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 2000. С. 79–259.

27. Ачкасов А.В. Русская переводческая культура 1840–1860-х годов: на материале переводов драматургии У. Шекспира и лирики Г. Гейне: дис. ... д-ра филол. наук. В. Новгород, 2004. 420 с.

28. Григорьев А.А. Заметки о Московском театре // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 68–74.

29. Флоренский П.А., свящ. Гамлет // Флоренский П.А., свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. игум. Андроника (Трубачева). М.: Мысль, 1994. С. 250–280.

30. Gervinus G.G. Shakespeare: Bd. 1–2. Leipzig: Engelmann, 1849–1852.

31. Луков Вл.А. Шекспироведение в свете исследования констант европейских культурных тезауросов [Электронный ресурс] // Шекспировские штудии III: Линии исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.В. Захаров, Вл.А. Луков. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006. Режим доступа: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/collections/Shakespeare_studies_III/#_ftn11 (Дата обращения 22.01.2022).

32. Григорьев А.А. Летопись Московского театра. Г-н Полтавцев в роли Гамлета, Гюга Бидермана и Чацкого // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 99–114.

33. Григорьев А.А. «Гамлет» на одном провинциальном театре (из путевых записок дилетанта) // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 28–38.

34. Григорьев А.А. Заметки о Московском театре // Григорьев А.А. Театральная критика / отв. ред. А.Я. Альтшуллер. Л.: Искусство, 1985. С. 51–68.

35. Григорьев А.А. Листки из рукописи скитающегося софиста // Григорьев А.А. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. Л.: Наука, 1980. С. 83–96.

36. Гёте И.-В. Годы учения Вильгельма Майстера // Гёте И.-В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7 / под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта. М.: Худож. лит., 1978. 526 с.

37. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и критерии современной критики // Григорьев А.А. Литературная критика / сост., вступ. ст. и примеч. Б.Ф. Егорова. М.: Худож. лит., 1967. С. 112–156.

References

(Sources)

Collected Works

1. Florenskiy, P.A., svyashch. Gamlet [Hamlet], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sochineniya: v 4 t., t. 1* [Collected works: in 4 vol., vol. 1]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 250–280.

2. Florenskiy, P.A., svyashch. Pervye shagi filosofii [The first steps of philosophy], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sobranie sochineniy: v 4 t., t. 2* [Collected works: in 4 vol., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1995, pp. 91–130.

3. Florenskiy, P.A., svyashch. Pis'ma s Dal'nego Vostoka i Solovkov [Letters from Far East and Solovki], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sobranie sochineniy: v 4 t., t. 4* [Collected works: in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 1998. 795 p.

4. Florenskiy, P.A., svyashch. U vodorazdelov mysli (Cherty konkretnoy metafiziki) [At the Watersheds of Thought (Features of Concrete Metaphysics)], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Sobranie sochineniy: v 4 t., t. 3(1)* [Collected works: in 4 vol., vol. 3(1)]. Moscow: Mysl', 1999. 621 p.

5. Gete, I.-V. Gody ucheniya Vil'gel'ma Meystera [Wilhelm Meister's years of study], in Gete, I.-V. *Sobranie sochineniy: v 10 t., t. 7* [Collected Works: in 10 vol., vol. 7]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978. 526 p.

6. Pis'mo P.A. Florenskogo k V.V. Rozanovu ot 25 sentyabrya 1910 g. [The letter by P.A. Florensky to V.V. Rozanov, dated September 25, 1910], in Rozanov, V.V. *Sobranie sochineniy. Literaturnye izgnanniki. Kn. 2* [Collected works. Literary exiles. Book 2]. Moscow: Respublika; Saint-Petersburg: Rostok, 2010, pp. 44–46.

Individual works

7. Florenskiy, P.A., svyashch. Detyam moim. Vospominan'ya proshlykh dney [To my children. Memories of past days], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Detyam moim. Vospominan'ya proshlykh dney. Genealogicheskie issledovaniya. Iz solovetskikh pisem. Zaveshchanie* [To my children. Memories of past days. Genealogical research. From Solovetsky letters. Will]. Moscow: Moskovskiy rabochiy, 1992, pp. 24–266.

8. Florenskiy, P.A., svyashch. Analiz prostranstvennosti <i vremeni> v khudozhestvenno-izobrazitel'nykh proizvedeniyakh [Analysis of spatiality <and time> in artistic and visual works], in Florenskiy, P.A., svyashch. *Stat'i i issledovaniya po istorii filosofii, iskusstva i arheologii* [Articles and studies on the history of philosophy, art and archeology]. Moscow: Mysl', 2000, pp. 79–259.

9. Grigor'ev, A.A. Kriticheskiy vzglyad na osnovy, znachenie i kriterii sovremennoy kritiki [A critical look at the foundations, meaning and criteria of modern criticism], in Grigor'ev, A.A. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1967, pp. 112–156.

10. Grigor'ev, A.A. N. Nekrasov [N. Nekrasov], in Grigor'ev, A.A. *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1967, pp. 442–493.

11. Grigor'ev, A.A. Velikiy tragik [Great tragedian], in Grigor'ev, Apollon. *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 262–299.

12. Grigor'ev, A.A. Moi literaturnye i нравственные skital'chestva [My literary and moral wanderings], in Grigor'ev, Apollon. *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 5–82.

13. Grigor'ev, A.A. Listki iz rukopisi skitayushchegosya sofista [Leaflets from the manuscript of the wandering sophist], in Grigor'ev, A.A. *Vospominaniya* [Memories]. Leningrad: Nauka, 1980, pp. 83–96.

14. Grigor'ev, Ap. O pravde i iskrennosti v iskusstve [About truth and sincerity in art], in Grigor'ev, Ap. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 51–116.

15. Grigor'ev, Ap. Zapadnichestvo v russkoy literature, prichiny proiskhozhdeniya ego i sily [Westernism in Russian literature, the reasons for its origin and strength], in Grigor'ev, Ap. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 200–234.

16. Grigor'ev, A.A. Zаметки о Московском театре [Notes about Moscow theater], in Grigor'ev, A.A. *Teatral'naya kritika* [Theatrical criticism]. Leningrad: Iskusstvo, 1985, pp. 68–74.

17. Grigor'ev, A.A. Letopis' Moskovskogo teatra. G-n Poltavtsev v roli Gamleta, Gyuga Bidermana i Chatskogo [Chronicle of Moscow Theatre. Mr. Poltavtsev as Hamlet, Hugh Biderman and Chatsky], in Grigor'ev, A.A. *Teatral'naya kritika* [Theatrical criticism]. Leningrad: Iskusstvo, 1985, pp. 99–114.

18. Grigor'ev, A.A. «Gamlet» na odnom provintsial'nom teatre (Iz putevykh zapisok diletanta) [“Hamlet” at a provincial theater (From the travel notes of an amateur)], in Grigor'ev, A.A. *Teatral'naya kritika* [Theatrical criticism]. Leningrad: Iskusstvo, 1985, pp. 28–38.

19. Grigor'ev, A.A. Zаметки о Московском театре [Notes about Moscow theater], in Grigor'ev, A.A. *Teatral'naya kritika* [Theatrical criticism]. Leningrad: Iskusstvo, 1985, pp. 51–68.

20. Muratov, P.P. Otkrytiya Drevnego russkogo iskusstva [Discoveries of Early Russia Art], in Muratov, P.P. *Drevnerusskaya zhivopis'. Istoriya otkrytiya i issledovaniya* [The Early Russia Painting. History of discovery and research]. Moscow: Ayris-press, Laguna-Art, 2005, pp. 27–45.

21. Zhuravleva, A.I. «Organicheskaya kritika» Apollona Grigor'eva [“Organic Criticism” by Apollon Grigoriev], in Grigor'ev, Apollon. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow: Iskusstvo, 1980, pp. 7–47.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

22. Andronik (Trubachev), igum., Polovinkin, S.M. Florenskiy [Florensky], in *Novaya filosofskaya entsiklopediya: v 4 t., t. 4* [New Encyclopedia on Philosophy: in 4 vol., vol. 4]. Moscow: Mysl', 2010, pp. 256–257.

23. Chernykh, P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2 t., t. 1* [Historical and etymological dictionary of the Russian language: in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Russkii yazyk, 1994. 623 p.

24. Dvoret'skiy, I.Kh. *Drevnegrechesko-russkii slovar': v 2 t., t. 2* [Ancient Greek-Russian dictionary: in 2 vol., vol. 2]. Moscow: GIZ Inostrannykh i natsional'nykh slovarey, 1958. 1905 p.

25. D'yachenko, D., svyashch. *Polnyy tserkovno-slavyanskiy slovar'* [Full Church Slavic dictionary]. Moscow: Izdatel'skiy otdel Moskovskogo Patriarkhata, 1993. 1120 p.

26. Florenskiy [Florensky], in *Bol'shoy entsiklopedicheskii slovar': v 2 t., t. 2* [Great Encyclopedic Dictionary: in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 768 p.

27. *Pavel Aleksandrovich Florenskiy* [Pavel Alexandrovich Florensky]. Moscow: ROSPEN, 2013. 583 p.

(Monographs)

28. Durylin, S.N. *V svoem uglu* [In your corner]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. 879 p.

29. Fateev, V.A. *N.N. Strakhov: Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha* [N.N. Strakhov: Personality. Creativity. Epoch]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Pushkinskiy Dom», 2021. 652 p.

30. Florenskiy, P.A., svyashch. *Stolp i utverzhdienie Istiny: v 2 t., t. 1* [Pillar and affirmation of Truth: in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Pravda, 1990. 490 p.

31. Gervinus, G.G. Shakespeare: Bd. 1–2. Leipzig: Engelmann, 1849–1852.

32. Kondakov, N.P. *Russkaya ikona* [Russian icon]. Moscow: EKSMO, 2019. 240 p.

33. Kyzlasova, I.L. *Istoriya otechestvennoy nauki ob iskusstve Vizantii i Drevney Rusi. 1920–1930 gody. Po materialam arkhivov* [The history of Russian science on the art of Byzantium and Ancient Russia. 1920-1930. Based on archive materials]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii gornyykh nauk, 2000. 440 p.

34. Polovinkin, S.M. *Khristianskiy personalizm svyashchennika Pavla Florenskogo* [Christian personalism of priest Paul Florensky]. Moscow: RGGU, 2015. 362 p.

(Thesis and Thesis Abstracts)

35. Achkasov, A.V. *Russkaya perevodcheskaya kul'tura 1840–1860 godov: Na materiale perevodov dramaturgii U. Shekspira i liriki G. Geyne*. Diss. ... d-ra filol. nauk [Russian translation culture of 1840–1860: Based on the material of translations of drama by W. Shakespeare and lyrics by G. Heine. Dr. philol. sci. diss.]. Velikiy Novgorod, 2004. 420 p.

(Electronic Resources)

36. *Florenskiy* [Florensky]. Available at: http://www.hrono.ru/biograf/bio_f/florenski_pa.php (data obrashcheniya: 20.01.2022).

37. Lukov, V.I.A. *Shekspirovedenie v svete issledovaniya konstant evropeyskikh kul'turnykh tezaurosov* [Shakespearean studies in the light of European cultural thesauric constants], in *Shekspirovskie shudii III: Linii issledovaniya: Sbornik nauchnykh trudov* [Shakespeare Studies III: Lines of Study: A Collection of Scientific Papers]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2006. Available at: https://mosgu.ru/nauchnaya/publications/collections/Shakespeare_studies_III/#_ftn11 (data obrashcheniya: 22.01.2022).